

Новгородцев Павел Иванович

**Из лекций по истории
философии права**

**Учения нового времени XVI-
XVIII вв**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
П12

П12 **Павел Иванович Н.**
Из лекций по истории философии права: Учения нового времени XVI-XVIII
вв / Новгородцев Павел Иванович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 165 с.

ISBN 978-5-519-99993-9

ISBN 978-5-519-99993-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.	VII.
I. ЗАРОЖДЕНІЕ НОВОЙ ФИЛОСОФІИ ПРАВА.	I-6
└ II. МАКИАВЕЛЛИ.	7-17
└ III. ФИЛОСОФІЯ ПРАВА ВЪ ЭПОХУ РЕФОРМАЦИИ.	18-36
└ IV. БОДЕНЪ И БОССЮЭТЪ.	37-44
V. АНГЛІЙСКІЯ УЧЕНІЯ XVI-ГО И XVII-ГО СТОЛѢТІЙ.	45-55
└ VI. ПОЛИТИЧЕСКІЯ УЧЕНІЯ АНГЛИИ ВЪ ЭПОХУ РЕФОРМАЦИИ И РЕВОЛЮЦИИ.	56-68
VII. ГОБЕСЪ И ФИЛЬМЕРЪ.	69-80
VIII. СИДНЕЙ И ЛОККЪ.	81-92
IX. ШКОЛА ЕСТЕСТВЕННАГО ПРАВА. ГУГО ГРОЦІЙ.	93-102
X. НѢМЕЦКАЯ ФИЛОСОФІЯ ПРАВА ОТЪ ПУФЕНДОРФА ДО КАНТА.	103-127
XI. ФРАНЦУЗСКІЯ УЧЕНІЯ XVIII-ГО ВѢКА.	128-149
БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЯ ПРИМѢЧАНІЯ.	I-IV.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемый выпускъ лекцій по исторіи философіи права обнимаетъ собою развитіе ученій о правѣ и государствѣ, начиная съ эпохи Возрожденія и кончая XVIII в. Въ слѣдующій выпускъ должно войти обзорѣніе ученій XIX в., съ отнесеніемъ сюда и философіи Канта, съ которой такъ тѣсно связано развитіе мысли въ XIX столѣтіи. Сравнительно съ послѣднимъ литографированнымъ курсомъ настоящес изданіе представляетъ лишь немногія перемѣны, по преимуществу стилистическаго характера.

12 декабря 1901 г.

ГЛАВА I-АЯ.

ЗАРОЖДЕНИЕ НОВОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА.

Условія умственного развитія Европы въ XVI в. Основные черты новаго направленія мысли въ эпоху Возрожденія. Причины, обусловившія его. Условія умственного развитія въ Средніе вѣка; внѣшнія причины.—Два основныхъ умственныхъ интереса эпохи Возрожденія. Новое чувство духовной независимости. Зарожденіе новой философіи права. Основные теченія въ области политической мысли.

Когда историки хотятъ обозначить эпоху, въ которой слѣдуетъ искать зарожденія новыхъ идей о правѣ и государствѣ, обыкновенно указываютъ на XVI вѣкъ, въ юридико-политической литературѣ котораго скрываются зачатки всей позднѣйшей философіи права. Болѣе тщательное изслѣдованіе генезиса новыхъ идей заставило бы насъ взойти гораздо далѣе, въ глубь Среднихъ вѣковъ, гдѣ мы, послѣ любопытныхъ работъ Гирке *] и Бецольтда **], все болѣе привыкаемъ отыскивать первые проблески естественно-правовыхъ теорій и демократическихъ ученій, ознаменовавшихъ собою развитіе новаго времени. Въ особенности XIV столѣтіе, съ его смѣлой борьбой противъ папъ, съ новыми ученіями о демократической основѣ не только государства, но и церкви, привлекаетъ наше вниманіе, когда мы изучаемъ происхожденіе новой политической мысли. Трактаты Вильгельма Оккама^{x)} и Марсидія Падуанскаго^{*)} являются въ этомъ отношеніи особенно любопытными ***]. Несомнѣнно, однако, что только въ XVI в. эти зачатки пріобрѣтаютъ ту степень зрѣлости и законченности, которая позволяетъ намъ говорить о нихъ, какъ о признакахъ наступленія новой эпохи. Та пора, когда теократія господствовала надъ умами, въ этомъ вѣкѣ проходитъ безвозвратно. Многіе сознаютъ, что для папства настала часъ расплаты за старые грѣхи. «Когда припоминаешь первоначальный духъ церковныхъ установленій и сравниваешь, насколько удалилась отъ него практика, начинаешь понимать, что мы находимся наканунѣ крушенія или возмездія»—такъ писалъ въ началѣ XVI в. Макиавелли, какъ бы предсказывая близкое наступленіе протестантизма.

Симптомы новаго настроенія всюду сказываются; ихъ незачѣмъ болѣе искать подъ оболочкой схоластическихъ мудрствованій, какъ это приходится дѣлать за два вѣка до того, въ моментъ первыхъ взрывовъ протестующей мысли. Запретныя идеи высказываются съ необычайной опредѣленностью и съ неслышанной смѣлостью.

Если нужно въ немногихъ словахъ выразить общее стремленіе новаго настроенія мысли, то для этого стоитъ лишь вспомнить формулу, которая давнымъ-давно усвоена историками для обозначенія всего этого движенія. Освобожденіе мысли отъ церковныхъ авторитетовъ и утвержденіе свѣтскихъ началъ развитія—вотъ основныя черты, которыя одинаково отмѣчаютъ и политическія, и общественныя, и философскія теченія эпохи. Медленнымъ и труднымъ процессомъ совершается это освобожденіе. Католическая церковь, привыкшая къ владычеству надъ міромъ, употребляетъ всѣ усилія, чтобы поддержать свое падающее вліяніе. Попрежнему ся строгія кары поражаютъ смѣлыхъ новаторовъ, пытающихся проложить путь свободному изслѣдованію. И даже въ XVII в., послѣ того, какъ Реформація стала совершившимся фактомъ, церковныя осужденія поражаютъ многихъ героевъ новой мысли. Въ 1600 г. былъ сожженъ въ Римѣ одинъ изъ провозвѣстниковъ новой философіи — Джіордано Бруно; 19 лѣтъ спустя въ Тулузѣ былъ сожженъ другой философъ — Ванини; съ 1599 по 1626 гг. томится въ тюрьмахъ инквизиціи Кампанелла; въ 1632 г. подвергается заточенію Галилей. Но никакія кары не могли остановить могучаго потока свободомыслія. Когда Галилей, измученный допросами инквизиціи и вынужденный словесно отречься отъ движенія земли, въ концѣ концовъ воскликнулъ: «И все-таки она движется», его устами говорила цѣлая эпоха, которая, несмотря ни на что, продолжала идти свободными путями.

Цѣлый рядъ причинъ обусловилъ собою это освободительное теченіе, которое отнюдь не слѣдуетъ соединять съ какимъ-либо частнымъ его проявленіемъ. Нѣкоторые изъ нѣмецкихъ писателей склонны приписывать всю заслугу разрушенія старыхъ основъ протестантскому движенію и порожденному имъ духу свободы. Но протестантизмъ, какъ на этомъ справедливо настаиваетъ Виндельбандъ****], былъ не причиной а лишь однимъ изъ проявленій этого духа. На самомъ дѣлѣ новое направленіе мысли было обусловлено, по преимуществу, тѣмъ духовнымъ ростомъ европейскаго общества, который медленно, но неизмѣнно совершался въ теченіе всѣхъ Среднихъ вѣковъ и особенно усилился со времени крестовыхъ походовъ. Было бы ошибочно смотрѣть на Средніе вѣка исключительно какъ на тягостный перерывъ въ куль-

турномъ развитіи Европы. Конечно, эта эпоха не была непосредственнымъ продолженіемъ высокой умственной жизни древняго міра. Но здѣсь, подъ цивилизующимъ вліяніемъ христіанства и при помощи великихъ авторитетовъ древности, начинается свое собственное развитіе, полагающее первыя основы западно-европейской культуры. Каковы бы ни были недостатки средневѣковой церкви, ея культурное значеніе не можетъ подлежать сомнѣнію. Самая схоластика, которая въ наше время считается синонимомъ ложной философіи, смѣсь школьнаго педантизма и бесплоднаго умствованія, сыграла немаловажную роль въ дѣлѣ философскаго развитія. При всѣхъ заблужденіяхъ своихъ, она несомнѣнно способствовала какъ изощренію логическаго мышленія, такъ и поддержанію научнаго интереса. Не забудемъ также и того, что, по самой задачѣ своей, она включала въ себя раціоналистическій элементъ и въ этомъ отношеніи явилась преддверіемъ новой философіи. Цѣлью ея было оправданіе при помощи разума догматовъ церкви, переведеніе этихъ догматовъ на языкъ логическаго мышленія. Но эта работа сама собою пробуждала раціоналистическія силы духа и рано или поздно должна была привести къ болѣе смѣлому полету ихъ. Примирить разумъ и церковное вѣроученіе удавалось не всегда, а это являлось источникомъ сомнѣній. Первымъ схоластикомъ, вродѣ Ансельма Кентерберійскаго, людямъ твердой вѣры легко было говорить, что въ случаѣ подобныхъ сомнѣній они готовы преклонить голову и смириться. Позднѣе это было не такъ легко. Примѣръ Абеляра, надѣлавшаго въ XII в. столько шума своимъ философскимъ истолкованіемъ догмата о Троицѣ и всѣмъ своимъ раціоналистическимъ направленіемъ, показалъ церкви, сколь опасной можетъ явиться философія для твердости ея вѣроученій. Несмотря на расцвѣтъ схоластики въ XIII в. и блестящій успѣхъ ученій Томы Аквинскаго, довѣріе къ схоластической философіи постепенно падаетъ: одни видятъ въ ней угрозу противъ незыблемости церковныхъ догматовъ, другіе считаютъ ее слишкомъ ограниченной и связанной обязательнымъ подчиненіемъ церковному авторитету. Рано или поздно она должна была потерять свой кредитъ; но воспитанное ею мышленіе обратилось къ другимъ задачамъ и вступило на путь самостоятельнаго философствованія *****].

Но, при всѣхъ своихъ воспитательныхъ заслугахъ, средневѣковая культура отличалась извѣстной стереотипностью и связанностью. Кажется, не надо разъяснять, насколько общему духу католической церкви соотвѣтствовало стремленіе уловить и замкнуть вѣчный потокъ мысли въ нѣкоторыя твердыя формулы и стереотипныя положенія,

которые должны были затѣмъ повторяться вѣками.—Но могло ли надолго помириться съ этимъ человѣческое мышленіе, которое, по самой природѣ своей, отличается свойствомъ прогрессивной подвижности? Воспитавшись подъ сѣнію средневѣковой культуры, мысль начинаетъ, наконецъ, проситься на свободу, а здѣсь подоспѣли вліянія со стороны, и старыя преграды были прорваны. Бѣжавшіе изъ Византіи, послѣ завоєванія ея турками, греки привезли съ собою въ Италію богатые сокровища древней философіи и поэзіи, неизвѣстныя прежде на Западѣ. Почти одновременно съ этимъ совершается цѣлый рядъ открытій географическихъ, астрономическихъ, физическихъ и иныхъ, измѣнившихъ кругозоръ тогдашняго общества. Наступаетъ эпоха необыкновеннаго оживленія мысли, которая очень хорошо названа эпохой Возрожденія. Книжная мудрость, затверженная вѣками, не удовлетворяетъ никого болѣе. Послѣ медленнаго и едва замѣтнаго движенія впередъ, которое было единственно возможнымъ въ Средніе вѣка, теперь наступаетъ пора смѣлыхъ предпріятій и гениальныхъ изслѣдованій, самая мысль о которыхъ являлась ранѣе невозможной. Всюду обнаруживается стремленіе къ новому и неизвѣданному; всюду пролагаются новые пути и открываются новые горизонты.

Два интереса являются особенно характерными для этого времени:—гуманистическій и натурфилософскій. Представленіе о гуманизмѣ связывается съ тѣмъ возрожденіемъ древней литературы, которое даетъ имя всей этой эпохѣ. Древніе писатели изучались прилежно и въ Средніе вѣка, но здѣсь они употреблялись съ исключительною цѣлью служить логическимъ фундаментомъ для чуждаго имъ зданія: для церковной догмы. Теперь они получаютъ интересъ сами по себѣ; и при томъ это былъ уже не тотъ урѣзанный и приспособленный къ церковнымъ потребностямъ Аристотель, которымъ, по преимуществу, пробавлялись въ Средніе вѣка. Теперь становятся извѣстными и весь Платонъ, и стоики, и эпикурейцы; даже Демокритъ, Эмпедоклъ и другіе второстепенные философы древности находятъ вновь своихъ почитателей. На этой почвѣ увлеченія древностью и вырастаетъ гуманизмъ, который былъ первымъ проявленіемъ свѣтской образованности въ новое время. Отъ божественнаго теперь обращаются къ человѣческому, отъ *divina* къ *humana*; не у церковныхъ богослововъ хотятъ черпать отнынѣ поученіе, а у древнихъ языческихъ философовъ, которые разсуждали и писали съ полной свободой мысли, внѣ всякихъ шаблоновъ и ограниченій. Впервые прежней духовной культурѣ была противопоставлена свѣтская; впервые два различныхъ направленія мысли, отличающихся одно отъ другого и по своимъ пріемамъ, и по

своимъ основамъ, столкнулись между собою. Въ Средніе вѣка происходила также борьба партій и направленій; но эта борьба совершалась на одной и той же почвѣ церковныхъ воззрѣній. Всѣ черпали свои аргументы изъ одной и той же церковной философіи. Разница мнѣній сводилась, въ концѣ концовъ, къ различному толкованію тѣхъ же текстовъ священнаго писанія. Теперь свѣтская мысль идетъ своей особенной дорогой и утвержденіямъ церковныхъ философовъ противопоставляетъ свои самостоятельные доводы. Гуманизмъ былъ первымъ проявленіемъ мысли, отрѣшившейся отъ средневѣковыхъ авторитетовъ. Но это было только начало.

Постепенно отъ изученія древнихъ философовъ переходятъ къ попыткамъ самостоятельнаго творчества и собственными силами стараются проникнуть въ тайны бытія, и что особенно характерно для этой эпохи, теперь проявляется стремленіе къ изученію природы. Для средневѣковаго челоѣка природа была закрытой книгой. Умъ былъ направленъ на изученіе божественнаго; притомъ же таинственныя силы природы считались управляемыми дьяволомъ, и овладѣть ими казалось грѣховнымъ. Теперь натурфилософія становится однимъ изъ самыхъ привлекательныхъ предметовъ изученія. Парацельзъ, Карданъ, Телезій, Патрицій и, наконецъ, величайшій философъ этой эпохи Джордано Бруно—таковы главнѣйшіе представители этого натурфилософскаго направленія. У Джордано Бруно мы съ особенной ясностью можемъ видѣть, какой переворотъ совершился въ умахъ въ теченіе эпохи Возрожденія. Въ его системѣ природа является не областью грѣха и проклятія, какою она представлялась въ Средніе вѣка, а естественнымъ истеченіемъ божественной сущности, царствомъ красоты и порядка, въ которомъ проявляетъ себя Богъ. Бруно усвоиваетъ пантеистическую точку зрѣнія. Система его часто переходитъ въ восторженный гимнъ природѣ.

Конечно, въ эту эпоху, которая лежитъ на самомъ рубежѣ Среднихъ вѣковъ, даютъ еще себя чувствовать слѣды недавняго прошлаго. Послѣ того, какъ въ теченіе столь долгаго времени думали и рассуждали по чужой указкѣ, несразу могли привыкнуть къ полной свободѣ мысли. Гуманисты на первыхъ порахъ и по пріемамъ мысли, и по характеру своихъ интересовъ во многомъ еще напоминаютъ схоластиковъ. Къ древнимъ писателямъ попрежнему относятся съ суевѣрнымъ почтеніемъ и смиренно преклоняются предъ ихъ авторитетомъ. Но это преклоненіе постепенно уступаетъ мѣсто чувству полной независимости, которое порою принимаетъ форму самопревознесенія. Приведемъ въ примѣръ, хотя бы Петра Рамуса, который съ такой запаль-

чивостью нападаетъ на Аристотеля, объявляя, что вся его философія ложна. Было, конечно, слишкомъ самонадѣянно, когда Рамусъ Аристотелевой логикѣ, и до сихъ поръ выдерживающей всѣ испытанія времени, противопоставлялъ свою собственную; но въ этой смѣлой критикѣ, казавшейся въ то время для многихъ неслыханной дерзостью, проявлялся тотъ свободный духъ, который обѣщалъ для будущаго самостоятельность и самобытность философской мысли.

Таковы были умственные теченія, среди которыхъ зарождается новая философія права. Слѣдуетъ ли удивляться тому, что и въ этой области замѣчается коренной переворотъ въ умахъ. Это было тѣмъ болѣе естественно, что жизнь выдвигала на очередь новые вопросы, которые требовали своего обсуждения. XVI в. былъ эпохой великихъ столкновеній: съ одной стороны здѣсь продолжается завязавшаяся ранѣе борьба между феодальной анархіей и утверждавшейся все болѣе и болѣе государственной властью; съ другой стороны происходитъ столкновеніе порожденныхъ Реформаціей элементовъ съ тѣми силами, которыя стали на защиту единоспасающей церкви. И въ то время, какъ теоретики крѣпкой государственной власти возрождаютъ древнее понятіе о государствѣ, сторонники религіозной свободы развиваютъ рядъ либеральныхъ и демократическихъ ученій, которыя въ пылу полемики получаютъ радикальный характеръ. Наконецъ, и народныя массы находятъ здѣсь своихъ представителей. Томасъ Моръ, а вслѣдъ за нимъ Кампанелла возрождаютъ коммунистическое ученіе Платона и напоминаютъ общественному сознанію о бѣдныхъ и обездоленныхъ классахъ. Такимъ образомъ, всѣ главнѣйшія направленія, съ которыми приходится вѣдаться обыкновенному историку юридико-политическихъ ученій, находятъ здѣсь своихъ представителей. Мы рассмотримъ послѣдовательно всѣ эти ученія и начнемъ съ теоріи крѣпкой государственной власти, которая нашла своего яркаго выразителя въ лицѣ Макиавелли.